

АВТОР повести «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицын рассказывает нам чуть ли не обо всех минутах этого дня, и каждая из них оставляет глубокий след в душе читателя.

Повесть написана с тем чувством авторского достоинства, которое присуще только большим писателям. Никакой литературщины, никаких, якобы обязательных, внешних примет героев или описаний природы. Сказано только, что солнце «с краснинкой заходит, и туман вроде бы седенький», — и вы видите этот морозный закат. Так же метко и лаконично показаны люди.

Начинается повесть безо всяких вступлений — с удара молотка о рельс за окнами барака и с музыкальной фразы: «Прерывистый звон слабо прошел сквозь стекла, замерзшие в два пальца, и скоро затих...»

Действие происходит в одном из лагерей того времени, которое было отмечено культом личности Сталина.

Странное чувство испытываешь, читая эту волнующую хронiku одного дня. Сначала будто перед глазами мрак, а потом он постепенно рассеивается, или глаза привыкают к нему, и все яснее, все отчетливее различаешь обстановку и людей. В большинстве это хорошие люди, обыкновенные советские люди, умеющие находить и в таком суровом, угнетающем лагерном режиме минуты покоя и даже душевного удовлетворения, без которого и жить на свете невозможно.

«...Засыпал Шухов, вполне удовлетворенный. На дне у него выдалось сегодня много удач». А эти «удачи» заключаются всего только в том, что его в карцер не посадили, в обед ему досталась лишняя миска баланды, на работе на стену «кдал весело», на обыске не попался, подработал вечером и табачку купил. «И не забо-

**НА СОИСКАНИЕ
ЛЕНИНСКОЙ
ПРЕМИИ**

ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ

С. МАРШАК

лел, перемогся...» Казалось бы, удача не слишком велики, и все же веришь заключительным словам: «Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый».

Автор — очевидно, намеренно — выбрал для своей повести один из наиболее спокойных и сравнительно (конечно, только сравнительно) благополучных дней в лагере. Но тем достовернее его повесть.

И в героя свои он взял скромного, выносливого и неунывающего Шухова.

Иван Денисович ничуть не идеализирован. Он может иной раз слукавить — спутать счет во время выдачи каши или баланды и «закусить» лишнюю миску-две для своей бригады, в том числе и для себя лично, и в то же время с каждой страницей все больше видишь, как он порядочен, деликатен, горд, спокойно рассудителен. Другое заключение относится к нему с уважением. Он «сумел себя поставить», чего не удалось, например, его собрату по везучести Фетюкову, который был на воле «большим начальником» какой-то конторы, а здесь потерял себя и сделался попрощайкой, выгребаящим из плевательницы окурки.

Но лучше всего показан Иван Денисович на работе, во время кладки стены, которую за несколько месяцев до того довела до второго этажа да так и оставила другая бригада.

Классу шлакоблока Шухову приходится второпях, «на глаз», пока раствор морозом не схватил.

«Работу эту он правил лихо, вовсе не думая. А думка его и глаза его вычувивали из-под льда саму стену, наружную фасадную стену ТЭЦ в два шлакоблока».

И дальше: «Шлакоблоки

не все один в один. Какой с отбитым углом, с помятым ребром или с приливом, — сразу Шухов это видит, и видит, какой стороной этот шлакоблок лечь хочет, и видит то место на стене, которое этого шлакоблока ждет...».

«Глазом по отвесу. Глазом плашмя. Схвачено. Следующий!»

Пошла работа... Шухов и другие каменщики перестали чувствовать мороз».

В этом метком и точном изображении жаркой, «захватчивой» работы на морозе чувствуешь и мастерство Ивана Денисовича, который «два дела руками знает, а потому может еще и десять подхватить», и мастерство самого автора повести.

Автор владеет тем подлинным народным языком, богатства которого еще далеко не исчерпаны литературой.

Нельзя заменить в его повести слово «удовольненный» словом «удовлетворенный» или «довольный». Невозможно заменить слово «глушь» словом «глухота» в том месте повести, где один из заключенных, глухой Сенька Клевшин, «сквозь свою глушь» слышит обрывки долетающего до него разговора.

Повесть правдива, строга и серьезна. Потому-то мы узнаем из нее столько нового и важного о людях, о человеческих характерах и свойствах.

Многие попали в лагерь так неожиданно, словно в люк провалились, — и на первых порах еще не вполне осознают, чем они стали. Ка-

питан второго ранга Буйновский («Кавторанг») еще сохраняет прежнюю выправку и говорит тем звучным, металлическим голосом, каким командовал на корабле. Как человек, потерявший ногу, чувствует еще пальцы, которых уже нет, так и этот бывший капитан еще чувствует свои погоны на плечах и ордена на груди. Но понемногу он как-то обмякает, становится вялым.

Когда, разомлев от работы и каши, он не находит в себе силы и решимости встать из-за стола, чтобы уступить место другим, автор говорит:

«Такие минуты, как сейчас, были (он сам не знал этого) особенно важными для него минутами, превращавшими звонкого морского офицера в малоподвижного и осмотрительного «зэка» (заклоченного), только этой малоподвижностью могущего перемочь отверстаные ему двадцать пять лет тюрьмы».

Однако даже в угнетенном состоянии духа и Кавторанг и многие другие заключенные полностью сохраняют человеческое достоинство и — несмотря на то, что они лишены прав, — чувство гражданственности.

Когда при обыске на лютном морозе начальник режима лейтенант Волковой велит распахнуть бушлаты, «где каждый тепло барачное спрятал», и расстегнуть рубахи, Кавторанг не выдерживает и бросает Волковому слова:

— Вы не советские люди! Вы не коммунисты!

А Волковой отвечает по-своему:

— Десять суток строгого! Это значит — в карцер, в каменный мешок, откуда, по словам заключенных, прямая дорога в «деревянный бушлат».

Судьбы Кавторанга и ря-

дового Ивана Шухова, при всем различии их образовательных цензов и положений, очень похожи. Оба они попали в лагерь по ложному обвинению в измене и шпионаже. Кавторанг во время войны был назначен связным при английском флоте, а Шухов всего несколько дней провел в германском плену, бежал и вышел к своим. Этих обстоятельств было достаточно, чтобы оба оказались в лагере, в одном бараке.

В то время, о котором идет речь в повести, Кавторанг только начинал свой лагерный стаж, а Шухов уже восемь лет из положенных ему десяти отсчитал и многому научился.

И прежде всего он научился ценить самые малые и простые блага жизни: часок «своего, не казенного времени», миску баланды, пайку — ломоть хлеба.

О том, как надо есть хлеб, хорошо знает Иван Денисович.

«...Понял Шухов в лагерьях. Есть надо, чтоб думка была на одной еде, вот как сейчас эти кусочки малые откусываешь, и языком их мнешь, и щеками подсасываешь — и такой тебе духовитый этот хлеб черный сырой. Что Шухов ест восемь лет, девятый? Ничего. А ворукает? Хо-го!»

В сущности Александр Солженицын написал повесть не о лагере, а о человеке. О самых обыкновенных советских людях, но в таких обстоятельствах, при которых человека можно увидеть без покрова каких-либо условностей, во всей наготу его характера, чувств и побуждений.

Люди как бы держали труднейший экзамен. Выдержат — выживут. Испытанию подвергались их терпение, воля, выносливость, человеческое достоинство и чувство товарищества, без которого и в лагере не проживешь.

В этом значительность повести А. Солженицына. В та-

кие глубины человеческих чувств и ощущений мог заглянуть только пронзительный и вдумчивый писатель, сам переживший все то, что пережили его герои.

Когда закрываешь эту повесть, жалеешь о том, что никогда больше не встретишься ни с Шуховым, ни с могучим бригадиром Тюриным, ни с Кавторангом, которого в конце повести увели в замороженный карцер. Даже не узнаешь, что с ними со всеми стало.

Ну, Иван Денисович, если только он жив-здоров, конечно, давно уже реабилитирован и работает. Ведь о нем и в повести говорится: «Неуж он себе на воле ни печной работы не найдет, ни столярной, ни жестяной?»

Нашел, конечно. А Кавторанг?

Капитан второго ранга (только не Буйновский, как он назван в повести, а Бурковский) вернулся на флот и служит на легендарном крейсере «Аврора» начальником филиала Центрального военно-морского музея.

Недавно в «Известиях» появилась беседа с ним («Здравствуйте, Кавторанг!»).

В беседе приводится отзыв о повести одного из ее главных героев.

Вот что сказал корреспонденту Кавторанг: «...Это хорошее, правдивое произведение. Любому, кто читает повесть, ясно, что в лагере, за редким исключением, люди остались людьми именно потому, что были советскими по душе своей, что они никогда не отождествляли зло, причиненное им, с партией, с нашим строем... И еще одно ценю я в повести Александра Исаевича: как правдиво описан наш труд. Он был тяжел, изнурителен, но не унижал нас. Ведь подспудно мы сознавали, что и здесь работаем для Родины».

Словами капитана сама жизнь отозвалась на эту замечательную, полную веры в людей повесть.

Правда, 1964, 30 мев.